

Она понимала, что её отец воспитывал Лун Чи в свободной манере: то, что нужно было научить, он научил, а всё остальное оставил на её усмотрение.

В детстве, когда она ложилась спать, за ней наблюдали мать и няньки, заставляя спать на спине, не позволяя сворачиваться на бок, раздвигать или скрещивать ноги, опасаясь, что неправильная поза повлияет на рост тела. Лун Чи же спала... не просто раскинувшись в разные стороны, но ещё и выкопала во сне яму, закопав себя почти наполовину. Этот ужасный способ спать заставил Нань Лицзю сильно захотеть вытащить её и заставить Лун Чи перелечь.

Она только что закончила драку и совсем не хотела снова сражаться с Лун Чи или выгонять её.

С таким шумным женьшеневым духом вокруг будет гораздо веселее, не будет ощущения мёртвой тишины, и она не будет чувствовать, будто во всём мире осталась только она одна.

Нань Лицзю смотрела на Лун Чи, закопанную наполовину, и чем больше смотрела, тем больше ей это не нравилось. Она хотела выкопать Лун Чи, но боялась разбудить её и снова начать драку, поэтому решила просто расширить и углубить яму, чтобы закопать этого женьшеневого духа.

Она как раз подумала, что закапывать живого человека в землю — не самое удачное решение, и собралась выкопать Лун Чи, но женьшеневый дух, видимо, почувствовав изменения в земной ци, самопроизвольно вернулся в исходное состояние, свернувшись в клубок, с пухлыми детскими ручками, поджатыми перед собой, и короткими ножками, подтянутыми к телу. Всё её тело встало вертикально в земле, словно она посадила себя.

Нань Лицзю смотрела на женьшеневого духа, который был чуть меньше белого теста в булочной, похожего на пухлого младенца нескольких месяцев от роду, и застыла в изумлении. Она знала, что Лун Чи была ещё молодой, судя по ростку на её голове, но не ожидала, что... её истинная форма в шестнадцать лет будет такой маленькой. Духи, принимающие человеческий облик, если они ещё дети, обычно принимают форму ребёнка. Лун Чи же выглядела на шестнадцать лет, и Нань Лицзю думала, что её истинная форма должна быть больше, но оказалось... она такая крошечная.

Такой маленький комочек, неудивительно, что Бессмертная госпожа Цуй не сводит с неё глаз, целый день бегают за ней, словно преследует что-то, боясь, что с малышкой что-то случится.

Нань Лицзю переводила взгляд на Лун Чи и мысленно усмехалась: Лун Чи смеялась над тем, что она ползает по земле, так что теперь пусть не обижается, если она будет дразнить её за то, что она маленький комочек.

Хотя Лун Чи и выглядела как белый комочек теста, она казалась мягкой и приятной на ощупь.

Нань Лицзю наклонилась и ткнула её пальцем. Мягкая, упругая и нежная, но не хрупкая, а с каким-то неопишуемым ощущением.

Лун Чи открыла глаза, в которых ещё была лёгкая дымка сна. Она зевнула, поднялась из земли, потерла глаза и привычно вернулась в человеческий облик, посмотрев на Нань Лицзю.

— Драка закончилась? А где упырь-хоу?

Она заметила, что взгляд Нань Лицзю на неё немного странный. Она моргнула и неуверенно добавила:

— Упырь-хоу сбежал?

Нань Лицзю отвела взгляд и равнодушно сказала:

— Подавлен под городом.

После этого она бросила беглый взгляд на Лун Чи, развернула коляску и уехала.

Город Уван был оружием, предназначенным для убийства. Раньше, когда в городе было много людей, они подавляли зловещую ци, а толстые стены города сдерживали её, поэтому ци убийства и наказания не была слишком сильной. Теперь же, когда в городе не осталось людей, а стены исчезли, острота ци стала слишком явной. Лун Чи, хоть и крепкая, всё же была ещё молодым женьшеневым духом, и если она останется здесь надолго, то может пострадать от острой ци убийства и наказания. В короткие сроки это не заметно, но со временем эта ци проникнет в её тело и нанесёт серьёзный урон. Нань Лицзю видела, что Лун Чи любит приходить к ней. В прошлый раз, после того как её избили, она убежала в слезах, но потом снова вернулась. Видимо, прогнать её не получится.

Город Уван был как оружием, так и убийственной формацией. Но даже в убийственной формации есть врата жизни и живой диск. Врата жизни постоянно меняются в зависимости от того, как она управляет формацией. Если происходит сражение, врата жизни и смерти могут меняться мгновенно. Что касается живого диска, то это место управления большой формацией, также известное как диск формации, и это она сама.

Она была единственным источником жизненной силы во всей этой убийственной формации.

Проще говоря, если она хотела защитить Лун Чи от ци убийства и наказания в городе Уван, ей нужно было использовать драконью кость, в которой она обитала, и свою собственную драконью ци, чтобы защитить Лун Чи. Лун Чи должна была всегда находиться рядом с ней, не дальше чем на три чжана.

Лун Чи была очень любопытна насчёт упыря-хоу и побежала за Нань Лицзю, помогая ей толкать коляску.

— Старшая сестра, могу я посмотреть на упыря-хоу? За всю свою жизнь я видела

тысячелетнего зомби, видела демона засухи, но никогда не видела, как выглядит упырь-хоу.

Она почувствовала, что коляска на ощупь странная, будто сделана не из металла и не из нефрита, но при этом и металл, и нефрит. Когда она положила на неё руку, под ладонью почувствовался ветер, а в ушах раздался звук грома. Перед глазами появился туман. Она убрала руку, и звук грома с туманом исчезли. Она снова положила руку на коляску и стала внимательно прислушиваться. Теперь она не только слышала гром и чувствовала туман, но и ощущала знакомую прохладную и мягкую ци, которая медленно проникала в её тело. Это ощущение было очень похоже на воду из колодца-тыквы, но гораздо сильнее.

Лун Чи сразу поняла, что это было.

Драконья ци!

Лун Чи тут же крепко схватилась за коляску Нань Лицзю, чтобы получить больше драконьей ци.

Нань Лицзю: «...»

Эта коляска выглядела как коляска, но на самом деле была частью её тела. Когда Лун Чи крепко держалась за коляску, это ощущение было похоже на то, будто она схватила её за руку. В её голове всплыл образ Лун Чи в виде маленького пухлого женьшеневого духа, и она не почувствовала неприязни к тому, как Лун Чи держалась за неё.

В городе Уван она могла мгновенно переместиться в любое место по своему желанию, но маленький женьшеневый дух, который крепко держался за её коляску и помогал её толкать, как младшая сестра, не хотел отказываться от её доброго намерения. Поэтому она провела Лун Чи через городские ворота, внешний город, внутренний город, потом через дворец в подземелье, а затем прямо на самый нижний уровень.

На самом нижнем уровне подземелья был заточён упырь-хоу.

Упырь-хоу был полностью обмотан золотыми нитями, словно огромный человеческий цзунцзы, и метался в клетке, сплетённой из этих золотых нитей, издавая непрерывные рёвы. Зловещая ци обильно вырывалась из его тела, но как только она выходила, золотые нити поглощали её.

Золотые нити, словно живые существа, жадно впитывали чёрно-коричневый густой сок, сочащийся из тела упыря-хоу. Это была кровь мертвеца, крайне иньская, ядовитая, зловещая и злая. Однако золотые нити, словно наткнувшись на что-то очень питательное, поглощали её с жадностью.

Лун Чи, увидев это, с удивлением посмотрела на Нань Лицзю.

Она вдруг поняла, что люди снаружи не зря называли Нань Лицзю великим демоном.

По крайней мере, она никогда раньше не слышала, чтобы кто-то мог справиться с упырём-хоу. Не то что упырь-хоу, даже демона засухи крайне сложно победить, обычно его просто запечатывают в каком-то месте, или легендарные мастера с огромной силой используют свои мощные способности, чтобы уничтожить его. Упырь-хоу был ещё сложнее, а Нань Лицзю просто... завернула его в цзунцзы и высасывает сок.

Нань Лицзю, защищённая драконьей ци, не боялась зловещей ци и зла упыря-хоу, и он не мог вырваться, чтобы навредить жителям горы Великой Сосны. Лун Чи предпочла бы, чтобы Нань Лицзю съела упыря-хоу и усилила свою силу, чем позволила бы ему отправиться на гору Великой Сосны и устроить там беспорядок. Ведь если бы упырь-хоу добрался до горы Великой Сосны, первой жертвой стали бы её семья из трёх жёншени.

Лун Чи видела зомби самого высокого уровня, таких как этот упырь-хоу и демон засухи на Семиярусной башне, и невольно сравнивала их.

<http://bllate.org/book/15297/1351417>